

RU

О структуре нарративных сдвигов в переводе

Разлогова Е. Э.

Аннотация. Цель исследования - на материале множественных переводов с русского языка на французский и с французского на русский рассмотреть случаи несовпадения нарративных характеристик оригинала и переводов (содержание, статус повествователя, фокализации), определить причины таких нарративных сдвигов, описать их внутреннюю структуру. Научная новизна исследования заключается в многоаспектном анализе нарративных сдвигов в контексте множественных переводов. В результате показано, что нарративные сдвиги могут быть вызваны различными факторами (многозначностью форм единиц оригинала, установкой на изоморфизм восприятия, особенностями стратегии переводчика), что они могут проявляться в большей или меньшей степени и осуществляться за счет простых трансформаций (разъяснений, анафорических замен и др.).

EN

On the Structure of Narrative Shifts in Translation

Razlogova E.

Abstract. The aim of the study is to examine cases of discrepancy between the narrative characteristics of the original and the translations (content, narrator's status, focalization) using the material of multiple translations from Russian into French and from French into Russian, to determine the reasons for such narrative shifts and describe their internal structure. The scientific originality of the research lies in a multifaceted analysis of narrative shifts in the context of multiple translations. As a result, it has been shown that narrative shifts can be caused by various factors (polysemy of the original units forms, attitude towards isomorphism of perception, peculiarities of the translator's strategy), that they can manifest themselves to a greater or lesser extent and be carried out through simple transformations (explanations, anaphoric substitutions, etc.).

Введение

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, все возрастающим интересом к анализу множественных переводов классических текстов, а с другой (особенно в зарубежных работах) – к нарративному аспекту сопоставления параллельных текстов. В нашем случае речь пойдет о сдвигах в области содержания, статуса повествователя и фокализации. Ниже предлагается анализ переводов классических текстов с русского языка на французский и с французского языка на русский именно в этом аспекте, описываются нарративные сдвиги с точки зрения их мотивации и конкретной реализации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить три вида нарративных сдвигов, на основе которых анализируются множественные переводы, выделить и описать фрагменты параллельных текстов, где они были обнаружены, проанализировать эти сдвиги с точки зрения возможной мотивации и способов их реализации, а также дать относительную частотную оценку их наличия в контексте множественных переводов.

В качестве методов исследования использовались классическое в рамках традуктологии пофрагментное сопоставление оригинала и перевода, сопоставление различных переводов одного фрагмента, а также прямая выборка фрагментов параллельных текстов с нарративными сдвигами и их подсчет в рамках одного контекста.

Теоретической базой исследования послужили отечественные и зарубежные работы по традуктологии и нарративу (Успенский, 1970; Oseki-Dépré, 1999; Berman, 1999; Baker, 1993; Genette, 1972).

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно дает более полное представление о всем многообразии переводческих решений в области нарратива как в синхронии, так и диахронии и может быть использовано как в педагогической, так и в собственно переводческой деятельности. Результаты исследования можно использовать в курсах по теории и практике перевода, а также в курсах по сопоставительной стилистике французского и русского языков.

Основная часть

Сравнение параллельных текстов с целью выявления способов передачи различных единиц или фрагментов оригинала в переводе, а также описание и интерпретация таких соответствий входят в основной круг задач традуктологии. Можно рассматривать соотношение синтаксических конструкций, лексических единиц, структурно-пунктуационной организации текста, анализировать смысловые соотношения, варианты передачи стилистических приемов и фигур, сравнивать статистические характеристики по разным параметрам и др.

Кроме того, параллельные тексты могут отличаться особенностями, связанными не столько с языковыми отличиями, сколько с их формальными характеристиками – так, текст с поэтической формой может быть переведен прозой, текст без заглавных букв может быть переведен в соответствии с правилами орфографии принимающего языка, выделенные фрагменты оригинала могут не быть таковыми в переводе и др.

Параллельные тексты могут обладать большей или меньшей степенью *изоморфизма* по всем этим и другим параметрам. Под изоморфизмом мы понимаем «подобие», схожесть параллельных текстов в отношении какого-либо заданного критерия. Такое подобие практически всегда носит относительный характер, оно может быть выражено в большей или меньшей степени. В тех случаях, когда имеются отклонения от максимально близкой, «зеркальной» передачи особенностей оригинала (она может быть и невозможна в силу различия между языками), можно говорить об отклонении от изоморфизма, или же сдвиге по рассматриваемым параметрам (Разлогова, 2016). Понятие сдвига или отклонения, а именно нарушения изоморфизма, близко понятию деформации А. Бермана (Berman, 1999), однако носит более общий характер и охватывает большее число параметров сравнения параллельных текстов. Сдвиги могут быть «обязательными», когда речь идет о языковых различиях – это относится к тем случаям, когда а priori изоморфизм (например, синтаксический) не может быть соблюден. Но они могут быть вызваны и другими факторами.

Ниже мы рассмотрим нарративные сдвиги, которые относятся именно к этой второй категории. В этой связи целесообразно различать нарратив в широком и в узком смысле слова.

Нарратив в широком смысле часто рассматривается как термин, близкий к понятию дискурса (Baker, 2006). Можно сказать, что с этой точки зрения нарратив оригинала отличается от нарратива перевода уже тем, что в них задействованы разные языки. Переводные тексты по Бейкер имеют свой специфический дискурс, в терминологии автора – *narrative of translation*: более нейтральный и сдержанный. В работе (Baker, 2014) сам процесс перевода определяется в большей степени как создание нового нарратива, а не опосредование оригинального. Системные сдвиги, деформирующие в переводе дискурс оригинала, фиксируются в переводческих универсалиях, таких как более «простой» язык перевода в сравнении с оригиналом, стирание стилистических особенностей и регистров оригинала, преимущественное использования стандартных стилистических средств принимающего языка, удлинение и др. (Berman, 1999; Baker, 1993). Такие нарративные сдвиги также могут касаться адаптации оригинального текста в зависимости от времени и места осуществления перевода. Так, в работах (Baker, 2006; López, 2000; Bongie, 2005) описывается сознательное конструирование определенного образа реальности, осуществляемое в переводе при помощи различных нарушений нарративного изоморфизма.

Нарратив в узком смысле фиксирует определенные характеристики построения повествования, такие как статус повествователя, различные виды фокализации (Успенский, 1970; Genette, 1972). Сдвиги по этим параметрам также могут присутствовать в переводе.

Системные, повторяющиеся сдвиги в большей мере влияют на восприятие текста, локальные сдвиги, встречающиеся только в небольшом числе фрагментов, часто остаются незамеченными.

Проблематика изоморфизма параллельных текстов, в частности нарративного изоморфизма, хорошо прослеживается на материале множественных переводов, когда один и тот же текст переводится много раз в разное время профессиональными переводчиками. Таким исследованиям посвящены многие работы последних лет, среди них и такие, где анализируются около десяти или более переводов одного текста (Oseki-Dépré, 1999; Разлогова, 2013). Именно в ситуации переводной множественности можно оценить относительную частоту нарративных сдвигов в переводах конкретных фрагментов, сравнительную значимость этих отклонений.

Ниже мы сопоставим характеристики параллельных текстов по трем параметрам. Первый – это содержание повествования, «содержательный» нарратив (*the plot*) – определенный набор событий, изложенный в определенном порядке. Этот аспект относится к нарративу в широком смысле слова. В рамках «традиционного» нарратива мы рассмотрим два параметра: статус повествователя и фокализацию. Эти аспекты можно было бы обозначить как нарратив повествователя и нарратив точка зрения.

В качестве примеров используются параллельные фрагменты из различных корпусов переводов с русского языка на французский (16 переводов «Пиковой дамы» А. С. Пушкина, 13 переводов «Слова о полку Игореве»), а также 9 переводов с французского языка на русский язык «Госпожи Бовари» Г. Флобера. Эти переводы в разных аспектах рассматриваются в работах (Разлогова, 2013; Карапец, 2020; Поварницына, 2021).

1. Сдвиги в области «содержательного» нарратива. Повествование формируется из событий, выстроенных в линейном порядке, связь между которыми может быть разной природы (следование во времени, каузальная связь и др.). Состав событий в оригинале может не совпадать с составом событий в переводе. Такие сдвиги могут быть более или менее существенными – мы будем считать, что они относятся к области передачи содержательного нарратива. Подобные явления в высшей степени свойственны переводам на французский язык XVII-XVIII вв.: с современной точки зрения это сближает их с адаптациями. Так, в рамках

тенденции “les belles infidèles” многие эпизоды из сочинений античных авторов могли по той или иной причине не отражаться во франкоязычных переводах, заменяться на содержательно иные. Также могли вноситься содержательные добавления и эпизоды, отсутствующие в оригинале (Ballard, 2013).

Однако и в другие временные периоды и в рамках других культур наблюдались сходные явления: «Такая (как в XVII веке во Франции. – Е. Р.) переработка оригинала в переводе в соответствии со вкусами (и потребностями) читателя, а также с нормами письма характерна для всех времен и культур. То, что её связывают в первую очередь с Францией, вызвано тем, что там в эпоху Классицизма нормы письма и композиции и одновременно теоретическое обоснование такого подхода к переводу, изложенное в предисловиях и прочих паратекстах, были возведены в ранг института» (Ballard, 2013, с. 153).

Если обратиться к множественным переводам, то в XIX веке, например, один из шестнадцати французских переводов «Бориса Годунова» (перевод Энгельгардт 1875 года) начинается с монолога Пимена и заканчивается смертью Бориса – в отличие от большинства других переводов, где состав событий в оригинале и переводе совпадает. Первый перевод на русский язык “Madame Bovary” Г. Флобера короче оригинала на треть (Карапец, 2017): в нем не нашли отражения многие эпизоды романа. Это единственный случай существенного сдвига в области содержательного нарратива для русскоязычных переводов романа Флобера.

К изменению событийной канвы можно отнести также системные нарушения характеристик персонажей и событий, их наименований и описаний. Так, в одном из переводов «Пиковой дамы» (1849 г.) завышается характеристика графини: *старуха* в пушкинском тексте систематически переводится как *la vieille comtesse, cette pauvre femme, la vieille femme, la vieille dame, la comtesse, une femme de quatre-vingts ans* или просто *elle*. Во французских эквивалентах полностью стирается негативная оценка.

В другом переводе той же «Пиковой дамы» (1989 г.) в характеристику Лизы вносится чувственный элемент, отсутствующий в оригинале (Разлогова, 2013). *Удивительная прелесть ее горести* во фрагменте *Германн смотрел на нее молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили суровой души его* переводится, например, как *sa détresse étrangement séduisante* (букв. «ее странным образом притягательная/соблазнительная горесть»).

В некоторых переводах «Госпожи Бовари» систематически занижается характеристика отца Эммы (Карапец, 2020) – *père* переводится как *папаша*. Если в первом случае это происходит за счет сознательного подбора лексики и сознательных нарушений в передаче анафорических рядов, то во втором – отчасти за счет специфики выбранных франко-русских соответствий.

Такие сдвиги связаны со снижением содержательного нарративного изоморфизма, но они а priori могут быть призваны повышать изоморфизм функциональный, то есть воссоздавать восприятие оригинального текста в рамках языка, культуры и эпохи его создания. Здесь уместно вспомнить динамическую (или функциональную) эквивалентность перевода Ю. Найды (Nida, 1964, с. 159) и теорию Скопоса (Reiss, Vermeer, 2014). Перевод в данном случае мыслится как процесс не столько лингвистического, сколько культурного переноса. Еще в XVII веке подобную аргументацию выдвигали французские переводчики античных авторов (Ballard, 2013, с. 117). Подобный способ перевода может быть следствием императивов принимающей культуры (например, в случае цензуры). Такие сдвиги не вписываются в переводческие универсалии и являются продуктом определенных переводческих тенденций или индивидуальных стратегий переводчиков. В нашем случае в контексте множественных переводов они оказываются в меньшинстве.

Кроме того, не следует забывать о том, что сдвиги содержательного нарратива в отдельных переводах могут быть вызваны ошибками переводчика (выбором эквивалента по «неправильному» значению лексической единицы, неправильной интерпретации синтаксических конструкций и т.п.).

2. Сдвиги статуса повествователя.

Статус повествователя меняется в переводе также достаточно редко. В одном из тринадцати французских переводов «Слова о полку Игореве» в следующем фрагменте вводит первое лицо повествователя – это перевод А. Грегуара, сделанный по реконструкции Р. Якобсона: *На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычетъ. / Mais j'entends la voix de Yaroslavna; dès l'aube, dans son angoisse, tel le coucou, elle lance son appel*. В остальных переводах, основанных на других реконструкциях или переводах на современный русский язык, форма *слышитъ* интерпретируется как *слышится* (*on entend*). Изменение статуса повествователя в переводе Грегуара объясняется различием в интерпретации грамматических форм оригинала. Первое лицо повествователя в переводе этого фрагмента встречается только у Грегуара (Поварницына, 2021). Аналогичное явление можно проследить в некоторых французских переводах «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. В начальном фрагменте повести лицо глаголов не уточнено: *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пять часов утра*. Именно поэтому в одном из шестнадцати переводов появляется первое лицо множественного числа: *On jouait aux cartes chez le garde à cheval Naroutov. Heure par heure se passa la longue nuit d'hiver: à cinq heures du matin, nous nous mettions à table pour souper (мы садились ужинать в пять утра)*. В той же «Пиковой даме» есть единственный фрагмент, где рассказчик проявляет себя через местоимение первого лица, подразумевающее повествователя и читателя: *Однажды – это случилось два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой мы остановились, – однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пальцами, нечаянно взглянула на улицу*. В большинстве переводов этот момент передается адекватно (см., например, ...où nous nous sommes arrêtés... или ...à laquelle nous nous sommes arrêtés...). Однако в некоторых переводах это первое лицо либо вообще исчезает (...une semaine avant la visite de Tomsky chez

la comtesse... / за неделю до визита Томского к графине), либо усиливается при помощи повторов и присутствием местоимений первого лица в единственном числе: *Un matin, et c'était, je crois, deux jours après la soirée de nos joueurs, et une semaine avant la scène où nous sommes restés* (в обратном переводе: *как-то утром, и это было, как мне кажется, после вечера наших игроков и за неделю до сцены на которой мы остановились*). В одном из первых переводов «Пиковой дамы» (перевод П. Жюльвекура, вышедший в 1843 г.) этот сдвиг носит более системный характер – первое лицо повествователя присутствует и в других фрагментах перевода.

Таким образом, в то время как у Пушкина повествователь, с одной стороны, не является персонажем повести, он – narrateur extradiégétique по Женетту (Genette, 1972), а с другой – проявляет себя непосредственно в тексте в первом лице (как narrateur homodiégétique), в некоторых переводах статус его меняется: он либо становится персонажем повести, либо вообще не проявляет себя непосредственно в первом лице.

В рассмотренных выше примерах нарративный сдвиг в отношении статуса повествователя может возникать в связи с полисемией грамматических форм оригинала или же вследствие контекстно обусловленных квазисинонимических преобразований, вводящих или, наоборот, исключаящих первое лицо повествователя. Такие сдвиги также не вписываются в переводческие универсалии. В некоторых случаях такой сдвиг может носить стилистическую нагрузку – введение первого лица, например, призвано придать дополнительную экспрессивность повествованию.

3. Сдвиги «точки зрения». Сдвиги точки зрения также могут принимать различную форму. Так, во фрагменте «Госпожи Бовари» Г. Флобера *Monsieur parut enchanté de le [Léon] revoir; mais il ne bougea de la soirée, ni de tout le jour suivant* передается точка зрения Эммы и Леона, для которых тот факт, что муж обрадовался приезду Леона, оценивается положительно, а то, что он на следующий день остался дома – отрицательно. Этот момент «точно» передается, например, в переводе *Карл очень обрадовался гостю, но ни в этот вечер, ни в следующий день не уезжал из дома*. Переход французского *mais* в русское *но* наблюдается в большинстве переводов. Однако в двух случаях из девяти в качестве эквивалента *mais* появляется *и*: *Барин, кажется, был рад его видеть и не двинулся с места ни в этот вечер, ни весь следующий день; Шарль был в восторге от приезда Леона и потому ни вечером, ни на следующий день не оставлял его*. Переключения точки зрения здесь нет, передается единообразная «нейтральная» точка зрения в режиме нулевой фокализации. Во втором переводе даже вводится дополнительное разъяснение – Шарль обрадовался гостю и поэтому остался дома на следующий день, что призвано подчеркнуть «естественное» различие повествования.

Такие сдвиги вряд ли можно считать простыми ошибками. Возможно, переключение точки зрения повествователя на точку зрения Эммы и Леона в одной фразе показалось переводчикам необоснованным или излишне сложным.

Такое нарушение изоморфизма может проявляться и в другой форме. Рассмотрим фрагмент «Пиковой дамы» А. С. Пушкина, в котором точка зрения повествователя переключается на точку зрения графини: *Вдруг это мертвое лицо изменилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графиней стоял незнакомый мужчина*.

– Не пугайтесь, ради бога, не пугайтесь! – сказал он внятным тихим голосом. – Я не имею намерения вредить вам; я пришел умолять вас об одной милости.

Старуха молча смотрела на него и, казалось, его не слышала. *Германн* вообразил, что она глуха, и, наклонясь над самым ее ухом, повторил ей то же самое.

В четырнадцати из шестнадцати франкоязычных переводов этот нарративный момент передается адекватно, однако в двух переводах происходит нарративный сдвиг – внутренняя фокализация не соблюдается: 1) *Tout à coup ce visage de mort changea d'expression. Les lèvres cessèrent de trembler, les yeux s'animèrent. Devant la comtesse, un inconnu venait de paraître: c'était Hermann.* / ...перед ней стоял **незнакомый мужчина**, это был **Германн**. 2) *Tout à coup cette figure morte se ranima; ses yeux brillèrent et sa bouche s'entr'ouvrit comme pour parler. Devant elle, venait d'apparaître un homme. Ne vous effrayez pas, au nom du ciel, lui dit à voix basse Herman (car c'était lui), ne vous effrayez pas! / ...сказал тихим голосом **Германн** (ибо это был он).* Сразу после *inconnu* (незнакомый мужчина) в первом примере появляется разъяснение *c'était Hermann (это был Германн)*. Во втором переводе также вводится разъяснение *car c'était lui (ибо это был он)*, только несколько позже. Заметим, что в оригинале разъяснение, нацеленное на отождествление *незнакомого мужчины* и *Германна*, отсутствует – эту операцию читатель должен сделать сам. В обоих переводах точка зрения графини не выдерживается, но в разной степени. В первом примере сдвиг значительнее, чем во втором.

Таким образом, нарративный сдвиг, сводящийся к несоблюдению переключения фокализации оригинала в переводе может оформляться разными способами: неточной передачей релевантных единиц (*и* как аналог *mais*), добавлением разъяснений, снимающих изменение фокализации, несоблюдением чередований в анафорическом ряду.

Для таких нарративных сдвигов характерна корректирующая унифицирующая мотивация: переключение фокализации упраздняется в пользу единой точки зрения. Это соответствует универсалии симплификации, или упрощения, то есть стиранию оригинальных элементов оригинала в переводе (Baker, 1993).

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Нарративные сдвиги представляют собой группу параметров сопоставления параллельных текстов с точки зрения их нарративной

структуры. Особенно хорошо они заметны в контексте множественных переводов, где на нашем материале всегда оказываются в меньшинстве в передаче конкретных фрагментов. Как было показано выше, сдвиги различаются качественно (по типу сдвига) и количественно, когда они присутствуют в нескольких переводах, но в разной степени. Количественное сопоставление возможно только в контексте множественных переводов.

Сдвиги в области содержания (существенные добавления, опущения, замены) часто можно интерпретировать как попытки увеличить степень функционального изоморфизма оригинала и перевода. На нашем материале были обнаружены попытки изменения содержания (исключение событий), а также попытки изменить характеристики персонажей и явлений. Такие искажения могут быть связаны как с объективными причинами (сложностями с подбором адекватной лексики), так и с индивидуальной стратегией переводчика (например, желанием подвести характеристику персонажа или события под нужный стандарт).

Нарративный сдвиг, заключающийся в изменении статуса повествователя, на нашем материале – явление достаточно редкое. Встречаются случаи перехода в переводе от повествования в третьем лице к повествованию в первом лице и наоборот. Это может происходить из-за различия в интерпретации лексических и грамматических форм оригинала или в связи с контекстно обусловленными квазисинонимическими заменами. Нарративный сдвиг, состоящий во введении первого лица повествователя, когда это делается с целью повышения экспрессивности перевода, не вписывается ни в одну переводческую универсалию, наоборот, он идет вразрез с принципом симплификации.

Изменение фокализации в тексте оригинала может восприниматься переводчиками как усложняющий стилистический прием и не всегда воспроизводится в переводе или воспроизводится только частично, что вполне соответствует переводческой универсалии упрощения. Технически подобного рода стирание осуществляется при помощи экспликаций, нарушения изоморфизма анафорических рядов, семантических сдвигов.

По всем трем рассмотренным нами параметрам сдвиги могут быть более или менее значительными, что хорошо прослеживается на материале множественных переводов.

На нашем материале нарративные сдвиги в большей степени характерны для переводов XIX века.

Если параметры нарратива в узком смысле достаточно немногочисленны и хорошо очерчены, то в рамках нарратива в широком смысле наряду с содержательным аспектом могут быть задействованы и иные параметры, например, организация форм передачи чужой речи, передача стилистически значимых элементов текста, лексическая вариативность, передача синтаксических структур, пунктуации, формальных моментов организации текста (выделенных фрагментов, поэтической/прозаической формы) и др. В этом случае термин *нарратив* охватывает практически все аспекты переводческого дискурса. В качестве перспектив дальнейшего исследования нам видится рассмотрение других классических текстов, сопровождаемых переводной множественностью. Весьма возможно, что там будут обнаружены нарративные сдвиги с иной мотивировкой или же с видоизмененной структурой, которые внесут коррективы в предложенное выше описание.

Финансирование | Funding

RU

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00620, проект «Множественные переводы в лингвостилистическом и культурно-историческом аспекте: сопоставительное исследование».

EN

The publication was prepared within the framework of RFBR-supported scientific project No. 19-012-00620, the project “Multiple translations in linguo-stylistic and cultural-historical aspects: A comparative study”.

Источники | References

1. Карапец В. В. О передаче нарратива в переводе на примере лексических единиц *rauvre* и *bonhomme* (на материале романа Г. Флобера “*Madame Bovary*”) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4 (84).
2. Карапец В. В. Переводная множественность: заимствования или случайные совпадения переводческих решений (на материале переводов “*Madame Bovary*” на русский язык) // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». 2017. № 5.
3. Поварницына Е. Д. Лексическая вариативность во французских переводах «Слова о полку Игореве» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2021. Т. 19. № 1.
4. Разлогова Е. Э. К проблеме передачи нарративных схем и стилистических фигур в переводе // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». 2013. № 3.
5. Разлогова Е. Э. Об изоморфизме в переводе // Риторика. Лингвистика. 2016. № 12.
6. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.
7. Baker M. *Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications* // *Text and Technology* / ed. by M. Baker, G. Frances, E. Tognini-Bonelli. Amsterdam - Philadelphia, 1993.
8. Baker M. *Translation and Conflict: A Narrative Account*. L. - N. Y.: Routledge, 2006.

9. Baker M. Translation as Re-Narration // Translation: A Multidisciplinary Approach / ed. by J. House. Basingstoke: Macmillan Publishers Limited, 2014.
10. Ballard M. Histoire de la traduction. Bruxelles: De Boeck, 2013.
11. Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. P., 1999.
12. Bongie C. Victor Hugo and "The Cause of Humanity": Translating Bug-Jargal (1826) into The Slave-King (1833) // The Translator. 2005. Vol. 11. Iss. 1.
13. Genette G. Figures III. P.: Editions du Seuil, 1972.
14. López M. F. Translation Studies in Contemporary Children's Literature: A Comparison of Intercultural Ideological Factors // Children's Literature Association Quarterly. 2000. Vol. 25. Iss. 1.
15. Nida E. A. Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden: E. J. Brill, 1964.
16. Oseki-Dépré I. Théories et pratiques de la traduction littéraire. P., 1999.
17. Reiss K., Vermeer H. J. Towards a General Theory of Translational Action: Skopos Theory Explained / transl. by C. Nord. L. - N. Y.: Routledge, 2014.

Информация об авторах | Author information

Разлогова Елена Эмильевна¹, д. филол. н.

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Razlogova Elena¹, Dr

¹ Lomonosov Moscow State University

¹ razlogova.elena@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.12.2021; опубликовано (published): 31.01.2022.

Ключевые слова (keywords): множественные переводы; нарратив; содержание; фокализация; статус повествователя; multiple translations; narrative; content; focalization; narrator's status.